

ДИАСПОРА: К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Работа представлена кафедрой философии Забайкальского государственного гуманитарного педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского.

Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент Т. В. Бернюкевич

В статье предпринята попытка концептуализировать понятие диаспора в рамках того значения, какое оно получило в современных условиях глобализации.

The author of the article makes an attempt to conceptualise the «diaspora» notion within the framework of the meaning that it acquired in the modern conditions of globalisation.

В основе современного научного знания лежат интеграционные тенденции, и это стало следствием невозможности изучения большего круга проблем, в том числе социальных в плоскости какой-либо одной научной дисциплины. Однако подобные исследования да и вообще вся научная интеграция непременно должны иметь в своей основе некий корпус универсальных, общенаучных, общепризнанных терминов и понятий, которые служили бы своеобразными маркерами-координатами, что обеспечивало бы в свою очередь объективность полученного знания. В то же время, если с естественнонаучными терминами ситуация понятна, то термины и понятия из области социального знания далеки от безоговорочной универсальности – о многих из них до сих пор ведутся научные споры.

Среди таких понятий с неустоявшимся определением немалый интерес представляет термин «диаспора». Авторы публикаций, посвященных дефиницированию этого термина, чаще всего ограничиваются тем определением, какое наиболее выгодно в преломлении методологического аппарата тех научных дисциплин, в рамках которых ведутся их исследования. Соответственно этот термин, эксплуатируемый весьма часто, при ближайшем рассмотрении во мно-

гих ситуациях употребляется неверно. В. Дятлов, по этому поводу отмечает – «...слово это (диаспора – Ю. Ф.) используется для обозначения чрезвычайно широкого круга разнородных явлений, что отчасти лишает его эвристического значения»¹.

Подобная ситуация вполне преодолима, если попытаться на широком междисциплинарном уровне концептуализировать те основания, которые формируют предмет диаспоры как социального явления, сделать это возможно только в рамках социально философской методологии.

Классическое определение (если здесь возможно говорить о классике) дает Советский энциклопедический словарь: «диаспора – совокупность населения определенной этнической или религиозной принадлежности, которое проживает в стране или районе нового расселения»². Стоит отметить, что это определение приводится в начале большинства работ, цель которых определить значение этого понятия как в рамках конкретной дисциплины, так и на уровне междисциплинарном.

Итак, согласно данному определению, диаспора это «совокупность населения», т. е. некая социальная группа, имеющая в своей основе весьма мощные связующие факторы, в определении Советского энци-

лопедического словаря таковых два: этничность и религия. Еще одна немаловажная особенность диаспоры – «страна или район нового расселения», следовательно, в этой стране или районе социальная группа, о которой идет речь, явление чужеродное, и отношение к ней со стороны местного населения соответствующее. Следующий вывод может быть таким: диаспора формируется в результате миграции, поскольку именно так определяются процессы перемещения людей с одного места жительства на другое. Вот собственно та основа, из которой исходит большинство исследователей.

Содержательный материал, расширяющий «базовое» определение, иллюстрирующий попытки концептуализации и дефиницирования термина «диаспора» в междисциплинарном формате, представлен в работах трех авторов: В. Тишкова³, В. Дятлова⁴, А. Милитарева⁵. Работы этих авторов интересны еще и тем, что каждый из них является представителем отдельной научной дисциплины, соответственно этнологии, истории и лингвистики.

В. Тишков в своей работе «Исторический феномен диаспоры» выявляет четыре недостатка классического определения, таким образом уточняя пограничные характеристики диаспоры, отделяющие ее от схожих социальных явлений.

Первый серьезный недостаток касается слишком расширенного понимания категории диаспора, включающего все случаи крупных человеческих перемещений на транснациональном и даже на внутригосударственном уровнях в исторически обозримой перспективе. Так, например, формально русской диаспорой следует считать не только эмигрантов всех известных нам волн, но так же все население Польши, Финляндии (когда-то входивших в состав Российской Империи), причем даже в том случае если человек, оказавшийся за рубежом, не коим образом себя с Россией не ассоциирует. Следовательно, в результате не всякого перемещения людей (миграции) фор-

мируется диаспора, и не всех мигрантов живущих в иноэтничном и инорелигиозном окружении автоматически следует считать диаспорой, что к сожалению происходит часто, особенно в средствах массовой информации. В связи с этим В. Тишков подчеркивает: «Проблема с традиционным определением диаспоры состоит в опоре этого определения на объективные факты самого акта перемещения человека или его предков из одной страны в другую и сохранения особого чувства привязанности к «исторической родине»⁶. Таким образом, еще одной характеристикой диаспоры можно обозначить наличие у ее членов чувства привязанности к исторической родине, желание сохранять верность ее традициям и культуре, отказ от ассимиляции.

Вторая позиция, в которой проявляется слабость общепринятого определения диаспоры, состоит в том, что оно основывается на перемещении (миграции) людей и исключает другой распространенный способ образования диаспоры – перемещение государственных границ. В. Тишков отмечает: «Проблема только в том, по какую сторону границы появляется диаспора, а по какую основная территория проживания».

Третий выделяемый В. Тишковым недостаток традиционного определения основывается на идее «центрированной» диаспоры, т. е. наличия одного и обязательно места исхода и обязательной связи с этим местом, особенно через метафору возвращения. Однако большинство исследователей сходится на том, что чаще всего распространен вариант, который называют квазидиаспорой, в этом случае фиксируется не столько желание возврата, сколько стремление воссоздать родную культуру в различных местонахождениях.

Еще один весьма существенный недостаток, заключается в восприятии диаспоры как коллективных тел, причем не только как статистических множеств, но и как культурно гомогенных групп, чего при доскональном исследовании не обнаруживает-

ся. В. Тишков в данной ситуации соглашается с мнением Дж. Клиффорда: «В разные времена своей истории в обществах диаспоризм может вспыхивать и затухать в зависимости от меняющихся возможностей в принимающей стране и на трансгосударственном уровне»⁷.

При всех оговорках, обозначенных В. Тишковым, он считает бесспорным существование феномена диаспоры и обозначающего его термина. По его мнению, «...задача социальной теории – достичь более или менее приемлемого консенсуса в отношении самого исторического явления, о котором идет речь, или существенно поменять саму дефиницию»⁸. Сам автор этих строк, и это было отмечено выше, пошел по первому пути.

Профессор В. Дятлов, статья которого открывает первый номер журнала «Диаспора» и посвящена определению этого понятия. На наш взгляд, он так же идет путем выявления круга характеристик, которые попадают под определение «диаспора».

В. Дятлов обращает внимание на историческое значение термина, связанное с судьбой еврейского народа, отмечает, что в авторитетной «Британике» термин до сих пор освещается именно через эту призму, хотя в последние годы расширенное толкование термина становится наиболее употребительным и используется теперь для обозначения национальных и религиозных групп, живущих вне стран своего происхождения⁹.

Особая актуальность и некоторая «свежесть» феномена диаспоры, определяющая его особое значение для дня сегодняшнего, находит подтверждение в статье В. Дятлова через констатацию того факта, что в наиболее полных и солидных энциклопедических изданиях России, относящихся к началу XX в., никаких упоминаний о термине «диаспора» вовсе нет.

Свой анализ сущностных характеристик явления «диаспора» В. Дятлов пытается построить, связывая его с первоначальным,

а следовательно, и модельным случаем – рассеянием еврейского народа. «Здесь кажется принципиально важным то, что рассеяние превратилось в образ жизни, в особое устойчивое социально-экономическое, культурное, духовное состояние социума, особую форму существования в физическом и психологическом отрыве от этнического материка или без такового вообще» – В. Дятлов¹⁰.

В. Дятлов поднимает вопрос о связи диаспоры с «национальным очагом», т. е. «...местом, где большая или значительная часть этнической или религиозной группы жила бы компактно, в качестве коренного народа» – В. И. Дятлов¹¹. Кроме того, обращает внимание на ситуацию когда «национальный очаг» вовсе отсутствует (пример: цыгане, евреи до некоторого времени), и тогда такая опора может быть создана внутри себя – т. е. в данной ситуации исследователь описывает процесс создания «идеологического мифа», без которого невозможно существование диаспоры. Причем в рамках этого мифа культура «национального очага» может существенно отличаться в представлении диаспорантов от реальности, самое главное наличие этой родной национальной культуры, и неважно представление о ней – это копия того, что оставлено дома, или это то, что родилось внутри собственного воображения.

В. Дятлов рассуждает об отсутствии потенциала диаспорности у «имперских наций», англичан, французов, немцев и пр., причину этого он видит в постоянной поддержке этого контингента со стороны родины, а также в наличии некоего комплекса «имперской нации». Все это, конечно так, но, на наш взгляд, для англичан, французов, немцев и прочих «имперских наций» диаспорный проект не осуществим в силу отсутствия возможности создания «идеологического мифа», который жизненно необходим для существования диаспоры. Венцом создания подобного мифа является идея спасения родной культуры, которой

что-либо мешает в «национальном очаге», либо этого «очага» вовсе нет, пример: начало формирования корейской диаспоры, в том числе в России, после аннексии Кореи в 1905 г. со стороны Японии, и началом политики «японизации» корейского населения. А вот в сознании французов, немцев, англичан периода империи вряд ли что-либо угрожало их родной культуре – их культуру не нужно было защищать, ее нужно было гордо нести покоренным народам.

Немалое место в статье иркутского исследователя уделено анализу аксиологии и как следствие психологии членов диаспоры формируемой в ситуации ежечасного диалога с принимающим обществом, представлены те экономические «ниши», на которые чаще всего могут претендовать диаспоранты. Учитывая то, что обычно в принимающих обществах путь «чужаков» в элитарные отрасли распределения ресурсов закрыт, на этом основании традиционной экономической «нишей» для них становится сфера торговли. Отсюда «торговые меньшинства» – это едва ли не второе название диаспорных народов у В. Дятлова.

В паре с В. И. Дятловым в том же разделе первого номера журнала «Диаспора» представил свою работу А. Милитарев, статья также представляет собой попытку разобраться с содержанием термина «диаспора».

А. Милитарев, как и В. Дятлов, первое определение понятия «диаспора» связывает с историей еврейского народа, а ситуации, когда этот термин используется в отношении других народов, считает расширенным толкованием.

«Какие же черты характеризуют еврейскую диаспору в представлениях тех культур, где традиционно существует само понятие «диаспора»? Что и в какой мере объединяет в этих представлениях еврейскую диаспору с другими демографическими явлениями (армянское или цыганское рассеяние) и дает основание переносить это понятие на более поздние или современные

миграции других народов...» – вопрошает А. Милитарев и, в сущности, вся его статья посвящена ответам на эти вопросы¹².

В завершении публикации А. Милитарев приводит те черты, что наиболее характерны для еврейских диаспорных групп, которые считает, судя по всему классической диаспорой. Среди них: принадлежность к меньшинству населения, корпоративность, ограниченность сфер трудовой деятельности, ущемленность в правах, запрет или ограничение на изменение социального статуса в первую очередь на вхождение в высшие сословия, землевладение и военную карьеру, изолированность от других групп населения, ассимиляционные тенденции, диаспорное сознание¹³.

Собственно все три проанализированные работы весьма информативны – это бесспорно, бесспорно также и то, что все они «бородаты», однако за те семь лет, что прошло со времени их публикации, мало что изменилось. Термин до сих пор не имеет четкого определения, и думается в скором времени оно и не появится, исследователи заняты прежде всего не поиском его универсального значения, а скорее функционального в рамках той конкретной исследовательской области, в которой работает автор. Вероятно, поэтому авторы всех последних публикаций по вопросам, касающимся дефиниции понятия «диаспора» ссылаются прежде всего именно на эти работы, вычлняя ту или иную характеристику диаспоры, приведенную в них.

Реализуя поставленную перед этой статьей задачу попытаемся по возможности концептуализировать те сведения, что известны нам о явлении которое носит определение «диаспора».

Первое значение термина связано с историей рассеяния еврейского народа за пределы Палестины, впоследствии появились расширенные его толкования, причем появились относительно недавно. Термин стал употребляться в отношении этнических или религиозных общностей, прожи-

вающих на территории компактно заселенной другой этнической или религиозной общностью и обладающей «диаспорным сознанием». Учитывая, что первообразом диаспоры была модель еврейского рассеяния, некоторые авторы – в частности А. Милитарев, У. Сэфрэн – выделяют характерные признаки диаспоры исходя из анализа жизни еврейских общин мира, в дальнейшем сравнивая их с фактами жизни других этнических и религиозных общин.

Принимая во внимание то, что оказаться в чужеродном окружении возможно чаще всего вследствие миграции либо перемещении границ становится ясно почему, часто ошибочно, диаспорой называют любых прибывших из-за рубежа людей, будь это беженцы или сезонные рабочие.

Ключевым моментом здесь является наличие уже упомянутого выше «диаспорного сознания», которое представляет собой комплекс психологических установок, формирующих представление о себе как о «чужаках» на территории нового расселения, которые никогда не смогут ассимилироваться, и единственным спасением которых является сплочение вокруг родной культуры, представление о которой чаще всего идеализированы. На этом этапе формируется обязательный «идеологический миф», в котором цель диаспоры заключается в спасении культуры родного очага в том чистом виде, который может быть осуществлен лишь диаспорой, ибо на родине этой культуре часто что-то угрожает.

Следует также отметить, что диаспора должна иметь несколько центров рассеяния, у которых нет строгой соподчиненности и структуры, таким образом, сети они собой не представляют. В различные времена истории диаспоризм то вспыхивает, то затухает, и это зависит от множества факторов.

Так сложилось, что последняя четверть XX – начало XXI в. стали временем новой вспышки диаспоризма, на это указывает и дискуссия по поводу дефиниции термина диаспора, по существу свое новое звучание

не связанное с историей еврейского народа данный термин приобрел именно в указанный период.

Причинами этой вспышки чаще всего называют увеличение объемов и направлений миграционного потока, изменение характера социально-экономических процессов в большинстве регионов мира, изменение государственных границ вследствие чего значительные массы людей одного этнического происхождения в одночасье оказались в иноэтническом окружении. Думается, все вышеозначенные обстоятельства, конечно же, имеют место, и разумеется, в разной степени они прямо или косвенно влияют на становление диаспор, но в то же время эти процессы имеют некую общую связь, и эта общая связь определяется особенностями процесса глобализации.

Отношение к глобализации варьируется от ее безоговорочного одобрения и восхваления приносимых ею благ (подлинных или мнимых) до осуждения этой новой формы колониализма. Все же, каким бы не было отношение к этому процессу, как бы его не называли, мало, кто отрицает его наличие в принципе. К настоящему моменту сложилась своеобразная аксиологическая система жизненных координат, в которой определяющими явились понятия финансовый успех, деловая активность и пр.

Однако далеко не все люди способны сразу определить для себя вектор движения в новой системе ценностных координат глобализации, и это лишает их необходимой жизненной опоры. Складывается ситуация, когда одни традиции дискредитированы, а другие еще не универсальны. В этой связи решение, наиболее подходящее, наиболее простое – поиск опоры в себе, в своей этнической либо религиозной принадлежности, именно через эти локусы традиции легче всего универсализировать.

Таким образом, в поисках жизненной опоры: моральной, религиозной, культурной – человек обращается к своим этническим, религиозным корням. Сохранение соб-

ственной идентичности становится в этих условиях насущной, повседневной задачей и работой, постоянным фактором рефлексии и жесткого регулирования. Следующим этапом поиска жизненной опоры становится включение себя в какую-либо группу, где фактором членства является этнический или религиозный признак – такой группой может быть диаспора.

Итак, подводя некий промежуточный итог, отметим: фактором усиления роли диаспор в современной нам социально-политической реальности становится закономерный для данного этапа исторического развития процесс глобализации. Свойственные этому процессу стирание границ, информатизация жизненного пространства, интенсификация экономической деятельности лишают человека жизненной опоры, и эти основания человек пытается найти, идентифицируя себя с этнической либо религиозной группой, коей выступает диаспора. Таким образом, диаспора есть востребованная на данном этапе исторического развития форма социальной адаптации.

Особенностью диаспоры как формы социальной адаптации обеспечивающей ей востребованность сегодня, является не только то, что она базируется на жизнеспособных критериях – этничности и религии,

но и то, что аксиология диаспоральности, на наш взгляд, отвечает требованиям современного общества, включающим в себя такие критерии как успех, достаток, деловую активность. В случае с диаспорой особое аксиологическое значение имеют взаимопомощь, поддержка, клановость – то, что сглаживает и облегчает тяготы существования отдельного человека, помогая ему добиться успеха в мире глобальных вызовов. В результате формируется человек, причудливо сочетающий индивидуализм с приверженностью общине, традиции, заветам предков, религиозным ценностям.

Итак, глобализация, а в ее рамках интенсификация экономики, концентрация производства, а значит, достатка, подстегивают миграционные потоки, подогревают стремление людей к поиску лучшей доли. Сменив одну социальную среду на другую, мигрант сталкивается с необходимостью социально адаптироваться, и на этой основе выбирает наиболее легкий путь адаптации – включается в диаспору, где, используя ее институты, успешно реализует себя. В свою очередь, сам феномен диаспоры, учитывая его востребованность сегодня также, претерпел существенные изменения, что значительно повысило его социальную значимость и привлекло повышенный исследовательский интерес.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Дятлов В. И. Диаспора: попытка определиться в термине и понятии // Диаспоры. 1999. № 1. С. 8.
- ² Советский Энциклопедический словарь. М., 1987. С. 389.
- ³ Тишков В. А. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение, 2000. № 2. С. 43–63.
- ⁴ Дятлов В. И. Указ. соч. С. 8–23.
- ⁵ Милитарев А. О содержании термина «диаспора» (К разработке дефиниции) // Диаспора, 1999. № 1. С. 24–33.
- ⁶ Тишков В. А. Указ. соч. С. 43.
- ⁷ Там же. С. 45.
- ⁸ Там же. С. 46.
- ⁹ Дятлов В. И. Указ. соч. С. 8.
- ¹⁰ Там же. С. 8.
- ¹¹ Там же. С. 9.
- ¹² Милитарев А. Указ. соч. С. 25.
- ¹³ Там же. С. 32.